

Позиции

Грег Гаррард

Грег Гаррард. Университет Британской Колумбии (UBC),
Ванкувер, Канада, greg.garrard@ubc.ca

В работе рассматривается позиция «неисчерпаемости», разделяемая многими экономистами и представителями бизнеса, которая предполагает, что в долгосрочной перспективе дефицит природных ресурсов удастся преодолеть благодаря экономическому росту и развитию технологий. Противостоящий этой позиции «неглубокий» энвайронментализм озабочен проблемами глобального потепления и загрязнения, отстаивает сохранение природных ресурсов исключительно ради людей, не предполагает снижения их уровня жизни и не приветствует радикальные социальные перемены. Из четырех радикальных форм энвайронментализма наиболее влиятельной за пределами академических кругов является глубинная экология, согласно которой благосостояние и процветание человеческой и нечеловеческой жизни на Земле обладает самостоятельной ценностью и возможно только при условии значительного сокращения численности населения. Второе направление, экофеминизм, возлагает вину за разрушение окружающей среды на андроцентрический дуализм мужчины, ассоциирующегося с культурой, нематериальным, рациональным и абстрактным, и женщины, ассоциирующейся с природой, материальным, эмоциональным и частным. Третье направление, социальная экология и экомарксизм, разделяет ключевую идею сторонников концепции неисчерпаемости, но радикально расходится с ними в политическом отношении и считает, что изменение политической структуры общества позволит создать производство, отвечающее реальным потребностям, которое придет на смену производству ради накопления богатства. Четвертое направление опирается на философию Мартина Хайдеггера с ее критикой индустриальной современности, в которой поэтическое благоговение перед бытием Земли сочетается с полной деконструкцией того направленного на отрицание смерти проекта мирового господства, который мы привыкли называть «прогрессом».

Ключевые слова: *неисчерпаемость; экокритика; энвайронментализм; глубинная экология; экофеминизм; социальная экология; экомарксизм.*

Перевод с английского *Дмитрия Кралечкина* по изданию:
Garrard G. Ecocriticism. L.: Routledge, 2012. P. 18–36.

ХОТЯ «энвайронментализм» — относительно молодое социальное, политическое и философское движение, уже появилось несколько разных экофилософий, которые могут с равной вероятностью как начать конкурировать друг с другом, так и сложиться в какой-то революционный синтез. Каждый подход понимает экологический кризис по-своему, выделяя аспекты, которые либо могут подвести к решению, понимаемому в тех категориях, которые этот подход предлагает, либо же угрожают ценностям, которыми он дорожит и из которых следует определенный спектр политических возможностей. Кроме того, каждый может определять основание для особого экокритического подхода, со специфическим кругом литературно-критических привязанностей и неприязней.

Неисчерпаемость

Несмотря на высокую степень взаимного согласия среди ученых по поводу экологических угроз, созданных современной цивилизацией, есть, однако, и те, кто утверждает, что большинство таких угроз, а может, и все, являются либо иллюзорными, либо сильно преувеличенными. Это позиция «неисчерпаемости», — и в определенном, довольно существенном, смысле, она вообще не является энвайронменталистской. К тому же в некоторых случаях ее финансово поддерживают и продвигают антиэнвайронменталистские промышленные группы влияния. Экономисты свободного рынка и демографы — одни из наиболее откровенных интеллектуальных апологетов этой позиции: они доказывают, что динамика капиталистических экономик будет создавать решения для экологических проблем по мере их появления и что рост населения со временем создаст богатство, необходимое для обеспечения мер по улучшению состояния экологии.

Главный положительный тезис, выдвигаемый сторонниками неисчерпаемости, состоит в том, что благосостояние человечества, измеряемое такими статистическими показателями, как продолжительность жизни или уровень загрязнения среды, постоянно увеличивалось вместе с населением, экономическим ростом и технологическим прогрессом, причем это можно доказать. Они указывают на то, что в долгосрочной перспективе гипотетический дефицит природных ресурсов будет устранен падением цен на про-

дукты питания, полезные ископаемые и сырьевые товары, оцениваемые из расчета на заработную плату. Когда получить какой-то конкретный ресурс становится сложнее, его цена растет, что заставляет предпринимателей-капиталистов искать замену имеющимся источникам, процессам или материалам. Обнаружение альтернатив ведет к падению цены на исходный материал; например, цены на медь упали в результате того, что медные провода в основном были заменены оптико-волоконными. То есть «дефицит» — это экономический, а не экологический феномен и справиться с ним помогут предприниматели-капиталисты, а не снижение потребления, за которое ратуют энвайронменталисты: «Дело в том, что само понятие ресурсов является динамическим, многие вещи становятся ресурсами лишь со временем. В разные времена возникали новые ресурсы»¹. Больше людей на планете — значит, больше умных голов, производительных рук, больше потребления, а потому экономический рост тоже должен стать значительнее. Экономист Джулиан Саймон настолько верил в «добродетельный цикл» экономического и демографического роста, что готов был поспорить с любым желающим:

Вы выбираете: (а) любой показатель благосостояния человечества — например, продолжительность жизни, цену алюминия или бензина, уровень образования определенной когорты молодежи, распространенность телевизоров, что угодно, (б) страну (или регион, например «развивающиеся страны») и (в) любой будущий год, и я ставлю свою недельную или месячную зарплату на то, что этот показатель будет лучше по сравнению с современным положением вещей, тогда как вы ставите на то, что он будет хуже².

Саймон выиграл один такой спор с экологом Паулем Эрлихом — они поспорили о дефиците сырьевых ресурсов, измеряемом в ценах 1980-х годов. Эрлих, в свою очередь, обвинил Саймона в «очковтирательстве», то есть в применении

1. *Beckerman W. Small Is Stupid: Blowing the Whistle on the Greens.* L.: Duckworth, 1995. P. 60.

2. *Myers N., Simon J. Scarcity or Abundance: A Debate on the Environment.* L.: Norton, 1994. P. 21.

сомнительных научных методов для нападок на энвайронментализм³.

Наряду с тезисами о неисчерпаемости богатства и роста товарного производства Бекермен, Саймон и другие представители этого направления выступают с критикой экологического «запугивания», напоминая про неточные предсказания глобального похолодания и всемирного голода, сделанные некоторыми экологами в 1970-е годы. Они указывают на действительно признанную неопределенность скорости вымирания видов или же моделирования глобального климата и на этом основании выступают за бездействие или в лучшем случае дополнительные исследования. Как показал Фредерик Бьюэлл, правые в США, выступающие против экологической чувствительности, еще с 1970-х годов рисуют своих оппонентов в самых разных, подчас противоречивых раскрах, и все для того, чтобы их опорочить:

«[энвайронменталисты], которых объявляли коммунистами, фашистами, язычниками, сталинистами, деревенщиками, утопистами, пуританами, евангелистами, паникерами, патологическими идеалистами, экофриками, эгоистическими мажорами, манипулирующими другими, эгоистическими и недалекими владельцами жилья из среднего класса, утратили свой статус публичных пророков неминуемых опасностей, грозящих фундаментальному наследию американцев»⁴.

Возможно, наиболее поразителен успех лоббистов — сторонников концепции неисчерпаемости, таких как *Cato Institute* и *Discovery Institute* (сами себя они называют «аналитическими центрами»), и антиэкологических медиаорганизаций, таких как *Fox News*, в усилении голоса незначительного меньшинства ученых, не согласных с глобальным экспертным консенсусом об антропогенном изменении климата. Климатический «скептицизм», представляющий собой смесь обоснованной научной неопределенности, массового непонимания и политически мотивированных искажений — главное препятствие для прогресса в сокращении выброса парниковых газов в некоторых демократических странах.

3. Ehrlich P., Ehrlich A. Betrayal of Science and Reason: How Anti-Environmental Rhetoric Threatens Our Future. Washington, DC: Island, 1998.

4. Buell F. From Apocalypse to Way of Life: Environmental Crisis in the American Century. L.: Routledge, 2003.

Определенно важно помнить о существенном и количественно измеримом повышении благосостояния человечества, которое было достигнуто как в развитых, так и в развивающихся странах, хотя и в весьма разной степени, благодаря экономическому росту и техническому прогрессу. Капитализм и правда мобилизует человеческие способности к разрешению различных проблем, и было бы глупо это недооценивать. Однако такая позиция страдает от одной существенной непоследовательности: во многих случаях улучшение экологической ситуации в постиндустриальных странах было достигнуто за счет вывода вредных отраслей в развивающиеся страны, к тому же под нажимом той самой политической агитации, которой занимались экологические активисты, изобличаемые ныне сторонниками концепции неисчерпаемости за то, что они являются помехой экономическому и технологическому прогрессу. Не сам по себе капитализм порождает те решения, которые выделяют сторонники неисчерпаемости, но предприниматели, реагирующие на морально мотивированных потребителей и на государственные нормы.

Более серьезное возражение состоит в том, что сторонники концепции неисчерпаемости практически не принимают во внимание нечеловеческую среду, если только она не влияет на богатство и благосостояние человека. Природа ценится лишь постольку, поскольку она нам полезна. Многие энвайронменталисты доказывают, что нам нужно разработать ценностную систему, которая бы отталкивалась от неотъемлемой ценности самой природы. Это фундаментальное различие хорошо заметно в споре Саймона и биолога — специалиста по сохранению видов Нормана Майерса, которого я цитировал выше.

Энвайронментализм

Широкий круг людей, озабоченных такими экологическими проблемами, как глобальное потепление и загрязнение окружающей среды, но желающих сохранить уровень жизни в его общепринятом понимании и не приветствующих радикальные социальные перемены, далее будут именоваться «энвайронменталистами». Многие из них ценят сельский образ жизни, походы и кемпинги, многие являются членами ведущих экологических организаций, таких как *Sierra Club*, «Комитет по охране природы» (*Nature Conser-*

vancy), *Audubon Society* в США или же «Королевское общество по защите птиц» (*Royal Society for the Protection of Birds*) и «Совет по охране сельских районов Англии» (*Council for the Protection of Rural England*) в Великобритании. Такие люди, возможно, обеспокоены дефицитом природных ресурсов или загрязнением, однако считают, что решения, как правило технологические, должны находить правительства и некоторые неправительственные организации, в частности благотворительные. Их надежды на снижение роста населения, как в богатых странах, так и бедных, обычно связаны с кампаниями по планированию семьи, а не, скажем, стерилизацией населения по требованию государства. Активизм в таком случае бывает разным — от переработки бутылок и покупки органических продуктов питания до серьезного участия в мероприятиях по охране дикой природы. Что касается философской и религиозной ориентации, энвайронменталисты, даже учитывая экологический кризис, продолжают считать ценными — в большей или меньшей мере — такие западные традиции, как либеральная демократия, права человека, христианство и представления об историческом и научном прогрессе. Если принять такое определение, значительная доля населения развитых стран может считаться энвайронменталистами. Те политические и потребительские рычаги, которые они используют, часто позволяют осуществить конкретные шаги по улучшению экологической ситуации, как произошло, например, с быстрым распространением органического сельского хозяйства в последние годы.

В этом смысле энвайронментализм широко распространен и в некоторых отношениях довольно влиятелен. Политические партии должны отдавать ему дань уважения, по крайней мере на словах, и точно так же вынуждены с ним считаться различные отрасли промышленности — внося дорогостоящие модификации в производственные процессы или же ограничиваясь косметической «экологизацией» своей продукции, которая должна устроить энвайронменталистов. В то же время радикальные критики обвинили энвайронментализм или «неглубокий энвайронментализм», как его иногда называют, в компромиссе с главенствующим социально-экономическим строем. Каждый из подходов, обсуждаемых далее, обвиняет энвайронменталистов в неспособности разобраться с предположительно более фундаментальной проблемой, которую он выявил.

Многие из наиболее известных ученых — сторонников защиты окружающей среды, такие как Рейчел Карсон, Пауль и Анн Эрлих, Э. О. Уилсон и Стивен Шнейдер, по большей части разделяют эту позицию, хотя в плане экологической философии и критики энвайронментализм обрел не так уж много систематичных защитников. В работе Мартина Льюиса «Зеленые заблуждения»⁵ мощная атака на радикальный энвайронментализм сочетается с реформистской программой, в которой подчеркивается роль науки, техники и изменения государственного курса. Выступая против «утопического» (“*Arcadian*”) подхода радикалов, отстаивающих деурбанизацию, несинтетические продукты и низкотехнологичные решения, Льюис со своим «прометеевским» энвайронментализмом защищает максимальное «отделение» экономики человечества от экологии природы, что позволит, по его мнению, сохранить природу. Он указывает, что города — не только центры культурной деятельности, в экологическом отношении они еще и менее опасны, чем огромные пригороды или же массовые паломничества в деревню. Также он доказывает, что капитализм под руководством просвещенных избирателей и потребителей может найти технологические решения для многих проблем, связанных с ресурсами и загрязнением. Не приемлющий каких-либо вмешательств подход, согласно которому «природа знает лучше» и который, по мнению Льюиса, разделяют экорадикалы, несостоятелен: «Сторонники прометеевского подхода полагают... что в обозримом будущем мы *должны* будем активно *управлять* планетой, чтобы можно было сохранить как можно больше биологических видов. От нас требуется никак не меньше, если мы хотим начать искупать наши реальные экологические грехи»⁶. Работа Ричарда Норта «Жизнь на современной планете»⁷ занимает сходную позицию, предлагая умеренный «манифест прогресса».

Можно сказать, что этот технократический, менеджериальный подход, известный социологам под названием «экологическая модернизация», уже потерпел поражение, если учесть давнюю популярность его повестки, совмеща-

5. Lewis M. W. *Green Delusions: An Environmentalist Critique of Radical Environmentalism*. L.: Duke University Press, 1992.

6. Ibid. P. 251.

7. North R. D. *Life on a Modern Planet: A Manifesto for Progress*. Manchester: Manchester University Press, 1995.

ющуюся с продолжающимся разрушением экологической среды. В то же время традиционное экологическое движение не только добилось существенных успехов в решении отдельных проблем, среди которых проблема выбросов фреонов, разрушающих озоновый слой, но также представляет ту группу населения, к которой должны обращаться радикалы — для того, чтобы перетянуть ее на свою сторону, или же в целях коалиции. Успешные радикальные организации, такие как *Greenpeace*, старались сохранить свою репутацию, занимаясь радикальным активизмом, но в то же время они отстаивают переработку отходов и «зеленый консюмеризм». Будущее любой из более радикальных позиций, которые мы здесь вкратце опишем, скорее всего, будет зависеть от схожего балансирования. Кроме того, поскольку многие экокритики разделяют радикальные взгляды, они также попытаются эксплуатировать энвайронментализм читателей, соблазняя их политикой или философией, в их понимании более отвечающей экологическому кризису.

Глубинная экология

Из четырех радикальных форм энвайронментализма наиболее влиятельной за пределами академических кругов является глубинная экология, именно она вдохновляет многих активистов в таких организациях, как «Друзья Земли» (*Friends of the Earth*), «Земля прежде всего!» (*Earth First!*) и «Морской пастух» (*Sea Shepherd*). «Певцом» глубинной экологии считается Гари Снайдер (родился в 1930 году), а ее философским гуру — Арне Несс. Несс определил восемь ключевых пунктов глубинной экологии как платформы в программной антологии Джорджа Сешенса «Глубинная экология для XXI века»⁸. Важнейшими из них представляются следующие:

1. Благополучие и процветание человеческой и нечеловеческой жизни на Земле обладает самостоятельной ценностью (или, что то же самое, внутренней, неотъемлемой ценностью). Такие ценно-

8. Deep Ecology for the Twenty-First Century: Readings on the Philosophy and Practice of the New Environmentalism/G. Sessions (ed.). L.: Shambhala, 1995.

сти независимы от полезности нечеловеческого мира для людей с их целями...

4. Процветание человеческой жизни и культур совместно лишь с существенно меньшей численностью человеческого населения. Процветание нечеловеческой жизни *требует* меньшей численности населения⁹.

Второй из этих пунктов указывает не только на развивающиеся, но и на развитые страны, в которых население потребляет намного больше, если рассчитывать на душу населения. Глубинные экологи ратуют за долгосрочное сокращение населения во всем мире. Смертельную опасность представляет не что иное, как сочетание быстрого роста населения в развивающихся странах, — который усугубляет такие связанные с бедностью экологические проблемы, как дефицит пахотных земель и уничтожение лесов, — с быстрым экономическим ростом в развитых странах, усугубляющим проблемы, порождаемые богатством, например утилизацию домашних отходов и выброс парниковых газов.

Многие глубинные экологи считают, что первый пункт отличает их позицию от энвайронментализма. Если «неглубокие» подходы разделяют инструментальное отношение к природе, отстаивая сохранение природных ресурсов лишь ради людей, то глубинная экология требует признания *внутренней ценности* самой природы. В дуалистическом разделении человека и природы, обоснованном западной философией и культурой, она видит исток экологического кризиса и требует вернуться к первичному монистическому отождествлению людей с экосферой. Сдвиг от человекоцентричной к природоцентричной системе ценностей — основа радикализма глубинной экологии, которая, соответственно, оказывается в оппозиции к едва ли не всей западной философии и религии:

Глубинная экология стремится привить людям эгалитарную установку по отношению не только ко всем *членам* экосферы, но даже и ко всем *сущностям и формам*, которые только можно в ней выделить. Следовательно, эта установка должна распространяться, к примеру, на такие сущности (или формы), как реки, ландшафты и даже виды и соци-

9. Ibid. P. 68.

альные системы, рассматриваемые как нечто совершенно полноправное¹⁰.

Может показаться, что подобное единообразие во взгляде лишает глубинную экологию всякого реального содержания: действительно, если ценность где угодно, значит, она нигде, и тогда она перестает быть основанием для проведения различий и принятия решений. Наличие у той или иной сущности или формы внутренней ценности определяется наличием у них не жизни или чувства, а, скорее, произвольной целесообразности, которую можно с равным основанием обнаружить у отдельной птицы, у реки, вида в целом, отдельной экосистемы или же у этнической группы. Серьезные споры о понятии внутренней ценности можно проследить по влиятельному журналу *Environmental Ethics* или же по одной из соответствующих антологий¹¹.

Часто глубинной экологии адресуют одну важную претензию — в том, что эгоцентризм оборачивается мизантропией, и некоторые ее сторонники, такие как Дейв Форман и Кристофер Мейнс, действительно делали бесчеловечные или ничем не подкрепленные заявления, например по вопросам численности населения. Но наряду с этим «жестким» крылом существует и «мягкий» мейнстрим, для которого эгоцентризм — это просто «ориентация», внутри которой всегда будут сохраняться существенные различия во мнениях. В частности, Несс допускал, что «жизненные» потребности человека могут ставиться выше блага всего остального, чем исключаются сложные конфликты между интересами людей и интересами тигра-людоеда или бацилл бубонной чумы. На самом деле, когда дело доходит до конкретики, глубинные экологи часто соглашались с общепринятыми приоритетами, которые они же критикуют, когда обнаруживают их у энвайронменталистов, — и не последняя причина такой непоследовательности в том, что в противном случае их можно было бы обвинить в человеконенавистничестве. Кроме того, представляется вполне вероятным, что любой человек с теми или иными интересами в разные моменты времени и в разных условиях будет разделять как

10. Ibid. P. 270.

11. *Environmental Philosophy* / R. Elliot, A. Gare (eds). Milton Keynes: Open University Press, 1983; *The Environment in Question: Ethics and Global Issues* / D. Cooper, J. Palmer (eds). L.: Routledge, 1992; *Environmental Ethics* / R. Elliot (ed.). Oxford: Oxford University Press, 1995; *Curry P. Ecological Ethics: An Introduction*. Cambridge: Polity, 2006.

эко-, так и антропоцентрические установки. В то же время важно отличить оба этих подхода от философии прав животных, которая требует уделять нравственное внимание, которого обычно удостоиваются люди, также и некоторым высшим млекопитающим.

Понятие экоцентризма возникло из родственных систем мысли, производных от таких восточных религий, как даосизм и буддизм, таких неортодоксальных фигур христианства, как св. Франциск Ассизский (1182–1286) и Пьер Тейяр де Шарден (1881–1955), а также из современных реконструкций индейских, дохристианских магических, шаманических и других «первобытных» религий — и оно же все эти системы подпитывало. Наряду с отчетливо спиритуалистическим направлением сохраняется — порой в несколько неловкой позе — и научная экология, у которой это движение позаимствовало свое название. На самом деле, ни одна статья в весьма содержательной антологии Сешенса не была написана экологом, и «экология» в ней если и заметна, то как похвальная фоновая деятельность, которая сама в специальном обсуждении не нуждается, но может использоваться для подтверждения имеющихся «интуиций». Когда же интуиции и наука начинают противоречить друг другу, обычно верх берут первые, а потому, к примеру, научно обоснованные попытки управлять экосистемами рассматриваются в качестве части «проблемы», а не ее решения. Экологов могут обвинять в том, что они «антиэкологичны», но не потому, что их проекты могут случайно нанести урон, а потому, что осуществление таких проектов выдает антропоцентрическую менеджериальную позицию, которая расходится с истинным экоцентричным обещанием экологии как дисциплины.

На самом деле, развитие экологии постравновесного типа, скорее всего, фатально подорвет глубинную экологию, если только она его заметит.

Экофеминизм

Глубинная экология видит в антропоцентрическом дуализме человечества/природы исходный источник антиэкологических идей и практик, но экофеминизм возлагает вину также и на *андро*центрический дуализм мужчины/женщины. Первый дуализм отличает людей от природы на основе некоего предположительного качества, такого как обладание

бессмертной душой или рациональностью, а потом заявляет, что это различие обеспечивает превосходство человека. Второй отличает мужчин от женщин на основе столь же предположительного качества, такого как больший объем мозга, а потом заявляет, что это различие составляет превосходство мужчин. Экофеминизм включает в себя признание того, что у двух этих аргументов одна общая «логика господства»¹² или обосновывающая их «базовая модель», в соответствии с которой «женщины ассоциировались с природой, материальным, эмоциональным и частным, тогда как мужчины — с культурой, нематериальным, рациональным и абстрактным»¹³, и это должно указывать на общность дела феминистов и экологов.

Если женщины ассоциировались с природой и принятие женщины обосновывалось через отсылки к природе, и наоборот, тогда может показаться, что необходимо атаковать эту иерархию, перевернув ее термины, то есть перейти к превознесению природы, иррациональности, эмоции и человеческого или нечеловеческого тела как антиподов культуры, разума и сознания. Некоторые экофеминистки, особенно отстаивающие «радикальный экофеминизм» и поклонение «богине», стали исповедовать именно такой взгляд. Так, к примеру, Шэрон Дубиаго утверждает, что «экологическое сознание традиционно было женским»; «Женщины всегда мыслили как горы, если иметь в виду предложенную Альдо Леопольдом парадигму экологического мышления. (Лучше всего вас этому может научить тот опыт, когда ваш живот вырастает, как гора.)»¹⁴ Своего рода женскую духовность, которая «состоит из истин натурализма и холистических склонностей женщин», Чарлин Спретнак схожим образом обосновывает женской биологией и окультуриванием¹⁵.

Однако, как уже указывалось ранее, феминистки на самом деле давно выступают против «женской сущности», основанной на биологическом поле, и доказывают, напротив, что гендер конструируется культурно. Поскольку это относится ко всякой сущности, независимо от того, как она конструируется — негативно или позитивно, радикальный эко-

12. Ecological Feminism/K. Warren (ed.). L.: Routledge, 1994. P. 129.

13. Davion V. Is Ecofeminism Feminist?//Ecological Feminism/K. Warren (ed.). L.: Routledge, 1994. P. 9.

14. Doubiago S. Mama Coyote Talks to the Boys//Healing the Wounds: The Promise of Ecofeminism/J. Plant (ed.) L.: Green Print, 1989. P. 41–42.

15. Spretnak C. Towards an Ecofeminist Spirituality//Ibid. P. 128–129.

феминизм, получается, представляет нам зеркальный образ патриархальных конструкций женственности, который сам ограничен и ограничивает ничуть не в меньшей степени. Даже позитивная оценка женственности как «более близкой к природе» в силу женской биологии или социального опыта пренебрегает реальностью, а именно тем, что все известные нам гендерные различия конструировались в патриархальных обществах. Поэтому эссенциализм радикального экофеминизма обоснованно критиковался экофеминистками с философской или социологической ориентацией¹⁶, которые указывали на то, что «истинно феминистский подход не может некритически принимать ни мужское, ни женское, [но] требует критики гендерных ролей, и эта критика должна охватывать и мужественность, и женственность»¹⁷. Сегодня это возражение принимается, судя по всему, практически всеми экофеминистками.

Если радикальный экофеминизм спорен в плане собственно феминизма, еще более он спорен в плане экологии. Желание перевернуть андроцентрический приоритет разума перед эмоцией ведет к откровенному антисциентизму¹⁸. «Гин/экология» Мэри Дэли¹⁹ открыто использует поверхностную «зеленую» риторику, ставя ее на службу упорным, но претенциозным и необоснованным нападкам на «фаллический миф и язык» науки, особенно медицины. Однако, как показывает исследование Вэл Пламвуд, простое отличие мужчин от женщин, людей от природы и разума от эмоции само по себе не составляет проблематичного антропо- или андроцентризма. Скорее, скрывающаяся за ними и общая для этих форм угнетения модель господства основана на *отчужденной* дифференциации и отрицании зависимости: в господствующей евро-американской культуре люди не просто отличаются от природы, но и *противопоставлены* ей так, что они радикально отчуждены от нее и в то же время ее превосходят. Эта поляризация или «гиперразделение» часто включает отрицание реального отношения вышестоящего термина к нижестоящему²⁰. Так, например, Пламвуд

16. Biehl J. Finding Our Way: Rethinking Ecofeminist Politics. Montreal: Black Rose Books, 1991; Ecological Feminism.

17. Davion V. Op. cit. P. 9.

18. Griffin S. Woman and Nature: The Roaring Inside Her. L.: Women's Press, 1978; Kheel M. From healing herbs to deadly drugs: Western Medicine's War Against the Natural World//Healing the Wounds: The Promise of Ecofeminism.

19. Daly M. Gyn/Ecology. L.: Women's Press, 1979.

20. Plumwood V. Feminism and the Mastery of Nature. L.: Routledge, 1993. P. 47–55.

показывает, что философ Рене Декарт (1596–1650) предложил влиятельную трактовку различия между сознанием и телом, в которой была сделана попытка вытравить все следы телесности из ментальной сферы. Он должен был

проинтерпретировать понятие «мышления» так, чтобы те ментальные действия, которые включают тело, например чувственное восприятие, и которые, видимо, служат перемычкой между сознанием и телом или между человеком и животным, стали в их новой интерпретации в категориях «сознания» операциями исключительно ментальными²¹.

Декарт произвел «гиперразделение» сознания и тела, отказав животным не только в способности к разуму, но и во всей совокупности чувств и ощущений, которые он связал с мышлением. В результате он стал считать животных радикально отличными от людей, чем-то низшим по сравнению с ними. Они, по его мнению, являются телами без сознаний, то есть, по сути, машинами.

Наиболее важный вклад Пламвуд состоит в критике гендерного дуализма разума/природы. Она представляет его в качестве «наиболее общей и основополагающей, связующей формы» ряда исторически варьировавших дуализмов. Он может выполнять эту общую аналитическую функцию, поскольку к «разуму» часто обращались для того, чтобы подчеркнуть гиперразделение мужчин и женщин и в то же время людей и животных, так что он способен заменять собой оба доминирующих термина. Пламвуд не требует отвергнуть науку или разум, скорее, она требует уточнения философских позиций, которые составляют из разума и природы полярную оппозицию: если научная «объективность» заявляет, что любой разговор о намерении или цели в природе является ненаучным антропоморфизмом, Пламвуд требует признания как сходств, так и различий в континууме человека и природы. Мы можем и далее проводить различие между разумом и эмоцией, мужчиной и женщиной, человеком и животным, но без невротической навязчивости ведущей философской традиции. Соответственно, модель господства, которая легитимизирует антропо- и андроцентризм, подрывается²².

21. Ibid. P. 115.

22. Plumwood V. *Environmental Culture*. L.: Routledge, 2001.

Разум, если спасти его от идеализации, выполненной андроцентричной философией, способен признавать и уважать «других земли», которые не отягощены ни ультрарационалистическим отчуждением, ни анимистическим уподоблением: «Мы должны понимать и утверждать как инаковость, так и нашу общность на Земле»²³. Этой позицией отвергается как дуализм концепции неисчерпаемости, в которой рациональный экономический субъект ставится выше всего остального, так и упрощенный монизм экофеминизма и глубинной экологии, в котором отличительные способности и потребности человеческого вида могут раствориться в недифференцированной аполитичной экосфере. Но, к сожалению, она все же может привести к позиции, разделяемой Кэролин Мерчант в ее влиятельной исторической критике «механистической науки», изложенной в книге «Смерть природы»²⁴, которая представляет собой несколько ханжеское превознесение «холистической» или «виталистской» науки, основанной на ее моральном, а не методологическом или прагматическом превосходстве над общепринятой «редукционистской» наукой. Таким образом, место науки в двух основных формах радикальной экологии остается весьма проблематичным.

Экофеминизм в значительно большей мере делает упор на экологическую справедливость, нежели глубинная экология. Логика господства проявляется в дискриминации и угнетении на основе расы, сексуальной ориентации, класса, гендера. И если в антологии «Глубинная экология» встречаются статьи о «мертвых белых мужчинах», таких как Д. Г. Лоуренс, Джон Мюир и Генри Торо, то в важной антологии «Экофеминистская литературная критика»²⁵ имеют работы о восточногерманских, французских, индейских, мексиканских и других авторах, являющихся преимущественно, но не исключительно женщинами. Считается, что такое разнообразие непременно следует из экологии, как доказывает Айнестра Кинг:

Здоровая, сбалансированная экосистема, включающая людей и нечеловеческих обитателей, должна поддерживать разнообразие. В экологическом смыс-

23. Plumwood V. *Feminism and the Mastery of Nature*. P. 137.

24. Merchant C. *The Death of Nature: Women, Ecology and the Scientific Revolution*. San Francisco: Harper and Row, 1990 (1980).

25. *Ecofeminist Literary Criticism: Theory. Interpretation, Pedagogy* / G. Gaard, P. D. Murphy (eds). Urbana and Chicago: University of Illinois Press, 1998.

ле упрощение среды — столь же важная проблема, что и ее загрязнение. Биологическое упрощение, то есть уничтожение целых видов, соответствует сведению человеческого разнообразия к безликим работникам или же гомогенизации вкуса и культуры на рынках массового потребления. Социальная и природная жизнь действительно упрощается, доводится на потребу рыночному обществу до неорганического состояния. Поэтому нам требуется децентрализованное глобальное движение, основанное на общих интересах, но прославляющее разнообразие и противостоящее всем формам господства и насилия. Потенциал к тому, чтобы стать таким движением, есть у экофеминизма²⁶.

Мы можем понять, почему биологическое и культурное разнообразие ценно и нуждается в защите, но не соглашаться на такое уравнивание этих весьма разных понятий «разнообразия», которому не дается никакого убедительного обоснования. Так, мы не находим доказательства подобного взгляда у Гаарда и Мерфи, которые полагают, что «культурное разнообразие... это один из аспектов, обеспечивающих выживание человеческого вида»²⁷. В этом случае, как и в некоторых экокритических работах, терминология экологической науки попросту подверстывается под политические цели, безо всякого признания изменений в ее употреблении или уточнения смысла. Кроме того, понятие «равновесия» в экосистемах является с научной точки зрения весьма проблематичным, и современные экологи не утверждают того, что биологическое разнообразие обязательно связано со стабильностью.

Радикальный экофеминизм, очевидно, вдохновляет многих на то, чтобы изменить свою жизнь, однако в качестве критической философии он серьезно ограничен своим иррационализмом и эссенциализмом. Однако такие экофеминистки, как Уоррен и Пламвуд, обращаются к социальным и философским идеям, которые наделяют эту позицию гораздо большей глубиной, масштабом и строгостью. Это отражается в растущем значении экофеминистской литературной и культурной критики в рамках экокритического поля в целом, а также в проводимых экофеминистка-

26. King Y. The Ecology of Feminism and the Feminism of Ecology // *Healing the Wounds: The Promise of Ecofeminism*.

27. *Ecofeminist Literary Criticism: Theory. Interpretation, Pedagogy*. P. 6.

ми исследованиях, в частности на тему проблем населения, которые по своим диагностическим и рекомендательным возможностям значительно превосходят грубые выкладки глубинных экологов²⁸. Также экофеминистки выступили с резкой критикой глобализации, свободной торговли и «международного развития», которая связывает их проект как с политически ориентированными позициями, ассоциирующимися с социальной экологией и экомарксизмом, так и с обращенной к этике и духовности глубинной экологией²⁹. В последнее время «квирные» экокритики, применяющие феминистский антиэссенциализм к сексуальности, распространили свой подход на исследования пасторали и животных, чтобы денатурировать те жесткие категории, которые их обосновывают.

Социальная экология и экомарксизм

Эти позиции, подобно экофеминизму, предполагают, что экологические проблемы вытекают не из одних только антропоцентрических установок, но и из систем господства или эксплуатации одних людей другими. Сосредоточиваясь на этих внутривидовых отношениях, они, как утверждают и глубинные экологи, лишь увековечивают тот антропоцентризм, который должен стать врагом любой критики, ставящей во главу угла саму Землю. В то же время социальные экологи и экомарксисты недовольны индивидуализмом и получающим все более широкое признание мистицизмом глубинных экологов, которые, по их словам, отказываются от рационального мышления и реального политического действия. Социальная экология и экомарксизм — движения, прежде всего, политические, их корни уходят в радикальную мысль XIX века, в анархизм Михаила Бакунина (1814–1876) и Петра Кропоткина (1842–1921), в коммунизм Карла Маркса (1818–1883) и Фридриха Энгельса (1820–1895).

Социальная экология и экомарксизм разделяют одну ключевую идею с экономистами — сторонниками концепции неисчерпаемости, с которыми они политически радикально расходятся. Все они считают, что понятие экологи-

28. *Cuomo C.J. Ecofeminism, Deep Ecology and Human Population//Ecological Feminism/Warren K. (ed.). L.: Routledge, 1994.*

29. *Shiva V. Development, Ecology and Women//Healing the Wounds: The Promise of Ecofeminism.*

ческих «пределов» является своего рода мистификацией. Боязнь «перенапрячь» способности природных систем обеспечивать ресурсами и поглощать отходы определяет как глубинную экологию, так и энвайронментализм, однако эта трактовка затемняет то, как именно дефицит создается капиталистическими способами производства, зависящими от манипуляции динамикой предложения и спроса. Кроме того, технология меняет саму эту динамику — как путем порождения нового спроса, так и за счет изменения добычи ресурсов или производственных процессов, чем дефицит может либо нивелироваться, либо, наоборот, усугубляться. Другими словами, «дефицит» — не просто объективный факт естественного мира, но производная воли и средств капитала, то есть целей, которыми руководствуется производство, и технологий, его обеспечивающих. Измените политическую структуру общества, чтобы производство, отвечающее реальным потребностям, пришло на смену производству ради накопления богатства, и, как утверждают эти движения, экологическая проблема пределов, порожденная структурной потребностью капитала в постоянном росте, исчезнет. Стоит отметить, что, хотя этот аргумент вполне убедителен, если мы говорим о полезных ископаемых, хотя, будучи применен к незаменимым и экономически невидимым ресурсам, таким как запасы пресной воды и биоразнообразие, он убеждает намного меньше.

Социальные экологи, большинство из которых своим интеллектуальным гуру считают Мюррея Букчина, разделяют с экомарксистами специфическое представление о месте людей в природе. Они утверждают, что эгоцентрический монизм, поддерживаемый глубинными экологами, лицемерен, поскольку, хотя люди должны быть «частью природы», многие совершаемые людьми действия изображаются в качестве «неестественных», чем заново вводится дуализм, который они стремились преодолеть. Этому ложному монизму противостоит диалектическая позиция, которая рассматривает развитие человеческой культуры или «второй природы» из «первой природы» в качестве постоянного процесса, в котором одно определяет и меняет другое:

Маркс <...> признавал первичность «внешней» или «первой» природы, которая породила человечество. Однако потом люди стали трудиться над этой «первой» природой, чтобы произвести «вторую» природу, то есть материальные продукты общества, а так-

же его институты, идеи и ценности. Этот процесс, как подчеркивает <...> Букчин, является частью процесса естественной эволюции общества³⁰.

Следовательно, экомарксисты и социальные экологи не являются ни монистами, ни дуалистами. Одно из следствий этого взгляда состоит в том, что экологические проблемы невозможно убедительно отделить от проблем, которые обычно считаются социальными, например таких, как плохие жилищные условия или нехватка чистой воды. Поэтому эти позиции, очевидно, родственны движениям за экологическую справедливость, которые выступают против нередко встречающейся ассоциации быстрого ухудшения состояния окружающей среды и ее загрязнения с бедностью.

Следуя традиционным марксистским идеям, экомарксисты утверждают, что существует структурный конфликт между рабочими и собственниками средств производства, в каком-то последнем изымают прибавочную стоимость, создаваемую трудом пролетариата. Эта объективная эксплуатация составляет, как утверждает Пеппер, исток всех остальных форм эксплуатации и угнетения:

Истинное постреволюционное коммунистическое общество будет бесклассовым. Когда оно будет построено, государство, экологические бедствия, экономическая эксплуатация, война и патриархат просто сойдут на нет, поскольку больше не будут нужны³¹.

Выступая против этой идеи плановой экономики, основанной на потребности, а не жадности, социальная экология отстаивает децентрализованное общество неиерархических связей, мыслимое, безусловно, в горизонте политической традиции анархизма:

Фундаментальной единицей станет *коммуна*, небольшое, крепко связанное внутри себя сообщество, основанное на любви, дружбе, общих ценностях и преданности общей жизни <...> будут образованы кооперативные институты во всех сферах социальной жизни: ассоциации взаимопомощи, позволяющие заниматься уходом за детьми

30. Pepper D. Eco-Socialism: From Deep Ecology to Social Justice. L.: Routledge, 1993. P. 108.

31. Ibid. P. 207–208.

и обучением, производством и распределением, культурным творчеством, играми и развлечениями, размышлением и духовным перерождением. Такие организации будут основываться не на требованиях власти, а на *самореализации людей* как свободных социальных существ³².

Если экомарксисты в качестве главного политического вопроса выделяют классовый конфликт, то социальные экологи выступают против властных отношений и иерархии, которые, по их мнению, угнетают все виды обществ, как капиталистические, так и социалистические, основанные на плановой экономике. Вместо революции рабочих социальные экологи отстаивают общинный стиль жизни, который ложится в основу социальной трансформации и призывает людей к устойчивому в экологическом смысле образу жизни, а также к партиципаторной демократии.

В настоящее время экомарксизм представляется маргинальной силой в зеленой политике богатых стран, хотя его роль в движениях экологической справедливости в третьем мире значительнее. Однако он терпит репутационный урон от своей связи с экологическими бедствиями, спровоцированными бывшим Советским Союзом и его восточно-европейскими сателлитами. С другой стороны, социальная экология и анархизм в целом, похоже, переживают своего рода возрождение в антиглобалистском и биорегиональном движении. Преимущество анархизма в том, что его реализация не требует неуволнимого революционного пролетариата, при этом он определенно родственен ряду контркультурных движений. Тем не менее марксисты правы в том, что привлекают внимание к вездесущей власти глобального капитала, а также указывают на вероятную бесполезность бунта отдельных людей или небольших, слабо связанных друг с другом групп против ограниченного набора символов капитала, но не против его основополагающих структур.

Хайдеггерианская экофилософия

Философия Мартина Хайдеггера (1889–1976), в целом маргинальная для зеленой политической мысли, тем не менее

32. Clark J. What is Social Ecology? // *Renewing the Earth: The Promise of Social Ecology* / J. Clark (ed.). L.: Green Print, 1990. P. 9.

послужила источником вдохновения для ряда экокритиков. Новичку она может показаться совершенно непостижимой, однако некоторые интерпретаторы утверждают, что мысль Хайдеггера относится к числу наиболее глубоких форм критики индустриальной современности, поскольку в ней поэтическое благоговение перед бытием Земли сочетается с полной деконструкцией того направленного на отрицание смерти проекта мирового господства, который мы привыкли называть «прогрессом»³³.

Отправной пункт для Хайдеггера — фундаментальное различие между простым материальным существованием и откровением «бытия» или вещиности вещей. «Быть» — не просто существовать, но «показываться» или раскрываться, для чего требуется человеческое сознание как пространство или «просвет» (*Lichtung*), в котором и благодаря которому бытие раскрывается: «Все „бывалое“ в глубине своей небывалое — огромное, страшное»³⁴. И опять же, проблема дуализма здесь не столько решается, сколько смещается, поскольку бытие «есть» только в своем просвете, а человеческое бытие, в свою очередь, истинно осуществляется лишь в позволении сущему быть в его «пространстве» сознания. Просвет и то, что в нем просвечивает, взаимно нуждаются друг в друге, тогда как дающая кров Земля дарует сущности, из которых человек основывает свой мир:

Для камня нет мира. И для растения, и для животного тоже нет мира — они принадлежат невяному напору своего окружения, которому послушествуют, будучи ввергнуты в него. А у крестьянки, напротив, есть свой мир, поскольку она находится в разверстых просторах сущего³⁵.

Отношение бытия и просвета, или Земли и мира, — непростое отношение, поскольку отклик и настроенность между ними могут быть более или менее ответными, а сущему мо-

33. Zimmerman M. E. Heidegger's Confrontation with Modernity: Technology, Politics and Art. Indianapolis: Indiana University Press, 1990; *Idem*. Rethinking the Heidegger-deep ecology relationship // Environmental Ethics. 2015 (Fall). P. 195–224; Foltz B. Inhabiting the Earth: Heidegger, Environmental Ethics, and the Metaphysics of Nature. Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press, 1995; Garrard G. Heidegger, Heaney and the Problem of Dwelling // Writing the Environment / R. Ker-ridge, N. Sammells (eds). L.: Zed Books, 1998.

34. Хайдеггер М. Исток художественного творения. М.: Академический проект, 2008. С. 165.

35. Там же. С. 145.

жет «позволяться быть» (то есть раскрываться, показываться, возникать), но может и не позволяться. Следовательно, у ответственных людей есть неявный долг — давать вещам раскрываться по-своему, неподражаемо, а не загонять их в смыслы и идентичности, которые подходят для наших собственных инструментальных ценностей. Один из ключевых модусов позволения быть, или беспрепятственного раскрытия бытия, — это поэзия: язык, особенно архаичный и окольный поэтический язык, если он правильно понят, раскрывает нам акт самого раскрытия. Он позволяет показу показываться. С другой стороны, о повседневной болтовне Хайдеггер отзывался пренебрежительно, поскольку она раскрывает нам и язык, и сущее в качестве всего лишь инструментов нашего волеизъявления; расхожие слова соответствуют миру расходной материи. Хуже того, вещи могут выявляться как просто ресурсы, готовые явиться по нашему зову в наше распоряжение, так что живой лес может предстать всего лишь «состоянием-в-наличии» (*Bestand*) древесины, то есть уже не деревьями, а древесиной-в-ожидании, и даже могущественный Рейн может раскрыться в качестве всего лишь источника гидроэлектрэнергии. В размышлении над поэтическим словом мы, однако, открываем, что «Язык есть дом бытия, живя в котором человек экзистировал, поскольку, обретая истину бытия, принадлежит ей»³⁶. Хайдеггер утверждает, что сущность сущего, его автономия и сопротивление нашим целям раскрывается благодаря столь же сопротивляющемуся языку. То есть благодаря поэзии мы учимся тому, что «Человек не господин сущего. Человек пастух бытия»³⁷. Мы учимся сопротивлению инструментализму или поставу (*Gestell*), который всегда раскрывает сущее в своих узких и бедных категориях. Мы стремимся настроиться на требования, которые сущее предъявляет нам, чтобы раскрыть его безо всяких ограничений. То есть мы учимся давать сущему быть.

Благодаря той ключевой роли, которую Хайдеггер отводит произведению искусства и тому, что он называет «спасением Земли», его философия, очевидно, довольно привлекательна для экокритиков. Однако многие философы утверждают, что работы Хайдеггера отличаются отъявленным антирационализмом, не говоря уже о том, что их безумно сложно читать. Кроме того, в 1934–1945 годы Хайдеггер

36. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Он же. Время и бытие. М.: Республика, 1994. С. 203.

37. Там же. С. 208.

был убежденным нацистом, считающим, что в деле «спасения Земли» Гитлер может повести за собой Германию. Некоторые философы полагают, что это не имеет значения для его мысли, тогда как другие видят глубокое родство между его философией и его политическими взглядами. Еще больше ситуация осложняется заверениями некоторых историков в том, что ранний нацизм также включал в себя определенные энвайронменталистские элементы.

Одним из многих философских наследников Хайдеггера был Морис Мерло-Понти (1908–1961). Особенно в своих поздних работах он попытался преодолеть остаточный антропоцентризм своего учителя, подчеркивая, что «люди вплетены в дебри „реального мира“, как плоть от его плоти»³⁸. С этой точки зрения нет такого человеческого восприятия, на которое не отвечал бы мир, как утверждает Дэвид Абрам в популярном изложении Мерло-Понти, представленном в его книге «Заклятие чувственного»: «Касаться грубой коры дерева — значит в то же самое время чувствовать, как тебя касается *дерево*»³⁹. Язык, который для Хайдеггера представлял «эк-статическим» просветом, в котором пребывает один лишь человек, с точки зрения Мерло-Понти, является не только общепринятым денотативным языком, но также языком жестуальным и эмоционально экспрессивным⁴⁰. В таком качестве «этот язык „принадлежит“ животному ландшафту в той же мере, что и нам самим»⁴¹. У этого взгляда много общего с увлекательной теорией «биосемиотики», «которая считает семиотические и коммуникативные процессы неотъемлемой частью живой природы»⁴². Феноменология Мерло-Понти не только бросила вызов антропоцентризму и картезианскому дуализму, но также подтолкнула экокритиков обратить особое внимание на чувственное удовольствие от встреч с «плотью мира», которое представляется весьма отличным от того пуританского самоотречения, которое часто безосновательно связывается с энвайронментализмом.

38. Westling L. H. Literature, the Environment, and the Question of the Posthuman//Nature in Literary and Cultural Studies: Transatlantic Conversations in Ecocriticism/C. Gersdorf, S. Mayer (eds). Amsterdam: Rodopi, 2006. P. 34.

39. Abram D. The Spell of the Sensuous. N.Y.: Vintage, 1996. P. 68.

40. Ibid.

41. Ibid. P. 82.

42. Maran T. Where Do Your Borders Lie? Reflections on the Semiotical Ethics of Nature//Nature in Literary and Cultural Studies: Transatlantic Conversations in Ecocriticism. P. 458.

Библиография

- Хайдеггер М. Исток художественного творения. М.: Академический проект, 2008.
- Хайдеггер М. Письмо о гуманизме//Он же. Время и бытие. М.: Республика, 1994. С. 192–221.
- Abram D. The Spell of the Sensuous. N.Y.: Vintage, 1996.
- Beckerman W. Small Is Stupid: Blowing the Whistle on the Greens. L.: Duckworth, 1995.
- Biehl J. Finding Our Way: Rethinking Ecofeminist Politics. Montreal: Black Rose Books, 1991.
- Buell F. From Apocalypse to Way of Life: Environmental Crisis in the American Century. L.: Routledge, 2003.
- Clark J. What is Social Ecology?//Renewing the Earth: The Promise of Social Ecology/J. Clark (ed.). L.: Green Print, 1990. P. 5–11.
- Cuomo C.J. Ecofeminism, Deep Ecology and Human Population//Ecological Feminism/K. Warren (ed.). L.: Routledge, 1994. P. 88–105.
- Curry P. Ecological Ethics: An Introduction. Cambridge: Polity, 2006.
- Daly M. Gyn/Ecology. L.: Women's Press, 1979.
- Davion V. Is Ecofeminism Feminist?//Ecological Feminism/K. Warren (ed.). L.: Routledge, 1994. P. 8–28.
- Deep Ecology for the Twenty-First Century: Readings on the Philosophy and Practice of the New Environmentalism/G. Sessions (ed.). L.: Shambhala, 1995.
- Doubiago S. Mama Coyote Talks to the Boys//Healing the Wounds: The Promise of Ecofeminism/J. Plant (ed.) L.: Green Print, 1989. P. 40–44.
- Ecofeminist Literary Criticism: Theory. Interpretation, Pedagogy/G. Gaard, P.D. Murphy (eds). Urbana and Chicago: University of Illinois Press, 1998.
- Ecological Feminism/K. Warren (ed.). L.: Routledge, 1994.
- Ehrlich P., Ehrlich A. Betrayal of Science and Reason: How Anti-Environmental Rhetoric Threatens Our Future. Washington, DC: Island, 1998.
- Environmental Ethics/R. Elliot (ed.). Oxford: Oxford University Press, 1995.
- Environmental Philosophy/R. Elliot, A. Gare (eds). Milton Keynes: Open University Press, 1983.
- Foltz B. Inhabiting the Earth: Heidegger, Environmental Ethics, and the Metaphysics of Nature. Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press, 1995.
- Garrard G. Heidegger, Heaney and the Problem of Dwelling//Writing the Environment/R. Kerridge, N. Sammells (eds). L.: Zed Books, 1998. P. 167–181.
- Griffin S. Woman and Nature: The Roaring Inside Her. L.: Women's Press, 1978.
- Kheel M. From Healing Herbs to Deadly Drugs: Western Medicine's War Against the Natural World//Healing the Wounds: The Promise of Ecofeminism/J. Plant (ed.). L.: Green Print, 1989. P. 96–111.
- King Y. The Ecology of Feminism and the Feminism of Ecology//Healing the Wounds: The Promise of Ecofeminism/J. Plant (ed.). L.: Green Print, 1989. P. 18–28.
- Lewis M.W. Green Delusions: An Environmentalist Critique of Radical Environmentalism. L.: Duke University Press, 1992.
- Maran T. Where Do Your Borders Lie? Reflections on the Semiotical Ethics of Nature//Nature in Literary and Cultural Studies: Transatlantic Conversations in Ecocriticism (eds C. Gersdorf, S. Mayer). Amsterdam: Rodopi, 2006. P. 455–476.
- Merchant C. The Death of Nature: Women, Ecology and the Scientific Revolution. San Francisco: Harper and Row, 1990.
- Myers N., Simon J. Scarcity or Abundance: A Debate on the Environment. L.: Norton, 1994.

- North R.D. *Life on a Modern Planet: A Manifesto for Progress*. Manchester: Manchester University Press, 1995.
- Pepper D. *Eco-Socialism: From Deep Ecology to Social Justice*. L.: Routledge, 1993.
- Plumwood V. *Environmental Culture*. L.: Routledge, 2001.
- Plumwood V. *Feminism and the Mastery of Nature*. L.: Routledge, 1993.
- Shiva V. *Development, Ecology and Women//Healing the Wounds: The Promise of Ecofeminism*/J. Plant (ed.). L.: Green Print, 1989. P. 81-86.
- Spretnak C. *Towards an Ecofeminist Spirituality//Healing the Wounds: The Promise of Ecofeminism*/J. Plant (ed.). L.: Green Print, 1989. P. 127-132.
- The Environment in Question: Ethics and Global Issues*/D. Cooper, J. Palmer (eds). L.: Routledge, 1992.
- Westling L.H. *Literature, the Environment, and the Question of the Posthuman//Nature in Literary and Cultural Studies: Transatlantic Conversations in Ecocriticism* (eds C. Gersdorf, S. Mayer). Amsterdam: Rodopi, 2006. P. 25-47.
- Zimmerman M.E. *Heidegger's Confrontation with Modernity: Technology, Politics and Art*. Indianapolis: Indiana University Press, 1990.
- Zimmerman M.E. *Rethinking the Heidegger-Deep Ecology Relationship//Environmental Ethics*. 1993. Vol. 15. № 3. P. 195-224.

Positions

Greg Garrard. University of British Columbia (UBC), Vancouver, Canada, greg.garrard@ubc.ca.

The paper considers the position of “inexhaustibility” as shared by many economists and businessmen. This view assumes that, in the long term, shortages in natural resources will be compensated by economic growth and the development of technology. The “shallow” environmentalism that is set against this position is concerned with the problems of global warming and pollution and defends the conservation of natural resources solely for utilitarian purposes. It also implies no severe reduction in standards of living and does not welcome radical social change. Of the four radical forms of environmentalism, the most influential outside of academic circles is deep ecology where the well-being and prosperity of human and non-human life on Earth has an independent value and can be achieved once the population is significantly reduced. The second trend, ecofeminism, blames the destruction of the environment on androcentric dualism. Man is associated with culture as immaterial, rational and abstract; woman is associated with nature as material, emotional, and individual. The third movement, social ecology and ecomarxism, share the key principles of the supporters of inexhaustibility, but radically disagree with their politics. They believe that changing the political structure of society will result in creating new forms of production that do not exist merely for the accumulation of wealth. The fourth direction is based on the philosophy of Martin Heidegger with its criticism of industrial modernity. This view combines poetic reverence for the existence of the Earth with a complete deconstruction of the program of world domination that has as its end the denial of death, a program which we are accustomed to calling “progress”.

Keywords: *inexhaustibility; ecocriticism; environmentalism; deep ecology; ecofeminism; social ecology; ecomarxism.*

DOI: 10.58186/2782-3660-2022-2-4-6-33

References

- Abram D. *The Spell of the Sensuous*, New York, Vintage, 1996.
- Beckerman W. *Small Is Stupid: Blowing the Whistle on the Greens*, London, Duckworth, 1995.
- Biehler J. *Finding Our Way: Rethinking Ecofeminist Politics*, Montreal, Black Rose Books, 1991.
- Buell F. *From Apocalypse to Way of Life: Environmental Crisis in the American Century*, London, Routledge, 2003.
- Clark J. What is Social Ecology? *Renewing the Earth: The Promise of Social Ecology* (ed. J. Clark), London, Green Print, 1990, pp. 5–11.
- Cuomo C.J. Ecofeminism, Deep Ecology and Human Population. *Ecological Feminism* (ed. K. Warren), London, Routledge, 1994, pp. 88–105.
- Curry P. *Ecological Ethics: An Introduction*, Cambridge, Polity, 2006.
- Daly M. *Gyn/Ecology*, London, Women's Press, 1979.
- Davion V. Is Ecofeminism Feminist? *Ecological Feminism* (ed. K. Warren), London, Routledge, 1994, pp. 8–28.
- Deep Ecology for the Twenty-First Century: Readings on the Philosophy and Practice of the New Environmentalism* (ed. G. Sessions), London, Shambhala, 1995.
- Doubiago S. Mama Coyote Talks to the Boys. *Healing the Wounds: The Promise of Ecofeminism* (ed. J. Plant), London, Green Print, 1989, pp. 40–44.
- Ecofeminist Literary Criticism: Theory. Interpretation, Pedagogy* (eds G. Gaard, P.D. Murphy), Urbana, Chicago, University of Illinois Press, 1998.
- Ecological Feminism* (ed. K. Warren), London, Routledge, 1994.
- Ehrlich P., Ehrlich A. *Betrayal of Science and Reason: How Anti-Environmental Rhetoric Threatens Our Future*, Washington, DC, Island, 1998.
- Environmental Ethics* (ed. R. Elliot), Oxford, Oxford University Press, 1995.
- Environmental Philosophy* (eds R. Elliot, A. Gare), Milton Keynes, Open University Press, 1983.
- Foltz B. *Inhabiting the Earth: Heidegger, Environmental Ethics, and the Metaphysics of Nature*, Atlantic Highlands, NJ, Humanities Press, 1995.
- Garrard G. Heidegger, Heaney and the Problem of Dwelling. *Writing the Environment* (eds R. Kerridge, N. Sammells), London, Zed Books, 1998, pp. 167–181.
- Griffin S. *Woman and Nature: The Roaring Inside Her*, London, Women's Press, 1978.
- Heidegger M. *Istok khudozhestvennogo tvoreniya* [Der Ursprung des Kunstwerkes], Moscow, Akademicheskii proekt, 2008.
- Heidegger M. Pis'mo o gumanizme [Der Brief Über den »Humanismus«]. *Vremya i bytie* [Zeit und Sein], Moscow, Respublika, 1994, pp. 192–221.
- Kheel M. From Healing Herbs to Deadly Drugs: Western Medicine's War Against the Natural World. *Healing the Wounds: The Promise of Ecofeminism* (ed. J. Plant), London, Green Print, 1989, pp. 96–111.
- King Y. The Ecology of Feminism and the Feminism of Ecology. *Healing the Wounds: The Promise of Ecofeminism* (ed. J. Plant), London, Green Print, 1989, pp. 18–28.
- Lewis M.W. *Green Delusions: An Environmentalist Critique of Radical Environmentalism*, London, Duke University Press, 1992.
- Maran T. Where Do Your Borders Lie? Reflections on the Semiotical Ethics of Nature. *Nature in Literary and Cultural Studies: Transatlantic Conversations in Ecocriticism* (eds C. Gersdorf, S. Mayer), Amsterdam, Rodopi, 2006, pp. 455–476.
- Merchant C. *The Death of Nature: Women, Ecology and the Scientific Revolution*, San Francisco, Harper and Row, 1990.
- Myers N., Simon J. *Scarcity or Abundance: A Debate on the Environment*, London, Norton, 1994.
- North R.D. *Life on a Modern Planet: A Manifesto for Progress*, Manchester, Manchester University Press, 1995.
- Pepper D. *Eco-Socialism: From Deep Ecology to Social Justice*, London, Routledge, 1993.
- Plumwood V. *Environmental Culture*, London, Routledge, 2001.

- Plumwood V. *Feminism and the Mastery of Nature*, London, Routledge, 1993.
- Shiva V. Development, Ecology and Women. *Healing the Wounds: The Promise of Ecofeminism* (ed. J. Plant), London, Green Print, 1989, pp. 81-86.
- Spretnak C. Towards an Ecofeminist Spirituality. *Healing the Wounds: The Promise of Ecofeminism* (ed. J. Plant), London, Green Print, 1989, pp. 127-132.
- The Environment in Question: Ethics and Global Issues* (eds D. Cooper, J. Palmer), London, Routledge, 1992.
- Westling L.H. Literature, the Environment, and the Question of the Posthuman. *Nature in Literary and Cultural Studies: Transatlantic Conversations in Ecocriticism* (eds C. Gersdorf, S. Mayer), Amsterdam, Rodopi, 2006, pp. 25-47.
- Zimmerman M.E. *Heidegger's Confrontation with Modernity: Technology, Politics and Art*, Indianapolis, Indiana University Press, 1990.
- Zimmerman M.E. Rethinking the Heidegger-Deep Ecology Relationship. *Environmental Ethics*, 1993, vol. 15, no. 3, pp. 195-224.